

Academia. Архитектура и строительство, № 3, стр. 13–25.
Academia. Architecture and Construction, no. 3, pp. 13–25.

Исследования и теория
Научная статья
УДК 72.03:930.2
DOI: 10.22337/2077-9038-2025-3-13-25

И вновь о трапезной палате Калязинского монастыря

Салимов Алексей Маратович (Тверь). Доктор искусствоведения, профессор, член-корреспондент РААСН. Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет (Россия, 129337, Москва, Ярославское шоссе, 26. НИУ МГСУ). Эл. почта: sampochta@mail.ru

Аннотация. Среди разобранных в 1940 году сооружений Троицкого Макарьева монастыря в Калязине были две каменные постройки первой трети XVI века: собор и трапезная. В настоящей статье рассматривается трапезная с небольшой церковью Бориса и Глеба. Материалы изучения этого памятника в 1940 году были переданы в Музей архитектуры им. А.В. Щусева и на их основе в 1986-ом была выполнена реконструкция трапезной. Опираясь на эти данные, автор в настоящей статье корректирует датировку памятника. Калязинская трапезная рассматривается в широком историко-архитектурном контексте с указанием истоков сложившейся на рубеже XV – XVI веков типологии. Автор статьи предлагает также иное, нежели считалось ранее, происхождение мастеров этого сооружения.

Ключевые слова: трапезная Троицкого Калязина Макарьева монастыря, тверские зодчие.

Финансирование. Работа выполнена в рамках научной деятельности Национального исследовательского Московского государственного строительного университета (НИУ МГСУ) и при реализации Программы фундаментальных научных исследований Филиала «ЦНИИП Минстроя России» НИИТИАГ.

Для цитирования. Салимов А.М. И вновь о трапезной палате Калязинского монастыря // Academia. Архитектура и строительство. – 2024. – № 3. – С. 13–25. – DOI: 10.22337/2077-9038-2025-3-13-25.

And Again about the Refectory of the Kalyazinsky Monastery

Salimov Aleksey M. (Tver'). Corresponding Member of RAACS, Doctor of Sciences in Art Studies, Professor. National Research Moscow State University of Civil Engineering (Russia, 129337, 26, Yaroslavskoye Shosse, Moscow, Russia. NRU MGSU). E-mail: sampochta@mail.ru

Abstract. Among the buildings of the Trinity Makariev Monastery in Kalyazin dismantled in 1940 there were two stone buildings from the first third of the 16th century: the cathedral and the refectory. This article examines the refectory with a small church of Boris and Gleb. The materials of the study of this monument were transferred to the Shchusev Museum of Architecture in 1940, and based on them, the refectory was reconstructed in 1986. Based on these data, the dating of the monument is adjusted in this article. The Kalyazinskaya refectory is considered in a broad historical and architectural context, indicating the origins of the typology that developed at the turn of the 15–16th centuries. The author of the article also suggests a different origin of the masters of this building than previously thought.

Keywords: refectory of the Trinity Kalyazin Makariev Monastery, Tver architects

Funding. The research was carried out with the funds of the Program of Basic Scientific Research of the Ministry of Construction of Russia and the National Research University Moscow State Construction University (NRU MSCU).

For citation. Salimov A.M. And Again about the Refectory of the Kalyazinsky Monastery. In: *Academia. Architecture and Construction*, 2025, no. 3, pp. 13–25, doi: 10.22337/2077-9038-2025-3-13-25.

Незадолго до Великой Отечественной войны при создании Угличского водохранилища среди тех частей Калязина, которые были затоплены водами великой русской реки Волги, оказался один из наиболее почитаемых монастырских комплексов России – Троицкий Макарьев монастырь (рис. 1).

Тогда же был утрачен соборный ансамбль Калязина, но память о нём вполне зримо сохранилась сегодня в одиноко стоящей посередине Волги колокольне главного городского собора (рис. 2). Если смотреть на этот «калязинский феномен» в створе спускающейся и уходящей в Волгу улицы Карла Маркса, то на заднем плане за колокольней, на одном из так называемых «монастырских» островов мы увидим воссозданную в начале XXI века юго-восточную башню монастырской ограды.

Накануне затопления обители в 1939–1940 годы сотрудники Музея архитектуры СССР под руководством В.А. Каульбарса провели большие исследовательские работы и, завершив их, передали в фонды Музея (ныне – ГНИМА им. А.В. Щусева) не только графические и фотоматериалы, но и отдельные архитектурные фрагменты, а также снятые со стен Троицкого собора фрески. Позже И.И. Леонидов и М.Н. Чалый по результатам этих исследований выполнили модель монастыря (рис. 3) [1, с. 165–166; 2, с. 230; 3, с. 791–794; 4, с. 9, 74–80], а реконструкции основных сооружений обители вошли в ряд обобщающих работ по Истории русского искусства [5, с. 75; 6, с. 355, 362–363; 7, с. 138; 8, с. 190; 9, с. 206].

По преданию на том месте, где сегодня находится город Калязин (и те его части, что скрыты в настоящее время водами Угличского водохранилища), наиболее раннее поселение появилось ещё в XII веке. В древности на правом петлеобразном берегу реки Волги, там где в неё впадает речка Жабна, был основан Никольский монастырь. А в первой половине XV века (не позднее 1434 года) уже на левом берегу Волги напротив Никольского монастыря монах кашинского Клобукова монастыря Макарий положил начало новой обители – Троицкой. В двухсоставном наименовании монастыря – Макарьев (или Макарьевский) Калязин (или Калязинский) – оказались объединены имена основателя обители и владельца тех земель (Коляги или Колязы), где этот монастырь и был создан [10, с. 161].

Уже на раннем этапе своего существования обитель пользовалась поддержкой тверского князя Бориса Александровича, который передал Троицкому монастырю Никольскую обитель на Жабне вместе с её землями [11, с. 16]. Однако вплоть до кончины Макария (1483) все постройки монастыря оставались деревянными.

Ситуация изменилась в первой четверти XVI столетия, когда кашинские земли вместе с Калязинным монастырём вошли в

домен второго сына Ивана III Юрия. В 1521 году в монастыре был заложен каменный Троицкий собор [12, с. 269], который освятили в июне 1523 года [13, с. 519].

а) б)
Рис. 1. Троицкий Калязин Макарьев монастырь. Фото начала XX века: а) вид с юго-запада (источник: ФА ИИМК РАН. № О 607-42); б) вид с северо-запада. Фото начала XX века (источник: ФА ИИМК РАН. № О 607-43)

Рис. 2. Калязин, Тверская область. Колокольня соборного комплекса города. На заднем плане – воссозданная юго-восточная башня ограды разобранного во второй половине 1930-х – 1940 годы Троицкого Макарьева монастыря. Фото автора. Конец марта 2025 года

Рис. 3. И.И. Леонидов, М.Н. Чалый. Троицкий монастырь в Калязине. Макет (источник: ГНИМА им. А.В. Щусева. Ф. V-11477)

Второй по времени создания (да и по значению) постройкой Троицкого монастыря стала трапезная с церковью Бориса и Глеба (рис. 4, 5, 6, 7).

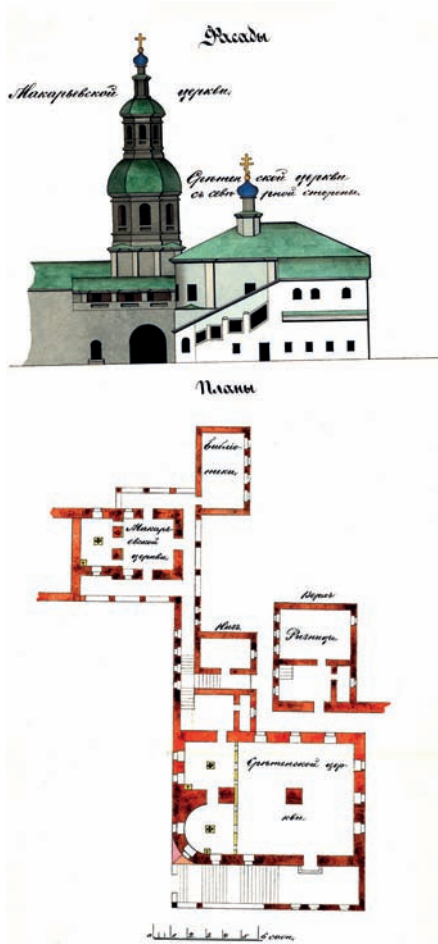

Рис. 4. Трапезная палата со Сретенской (Борисоглебской) церковью в Троицком Калязинском монастыре. Чертёж 1880-х годов (?) (источник: РА ИИМК РАН. Ф. Р-III. № 6422. Л. 42)

Рис. 5. Трапезная палата со Сретенской (Борисоглебской) церковью в Троицком Калязинском монастыре. Вид с юго-востока. Фото начала XX века (источник: ФА ИИМК РАН. № 0607-45)

В отличие от Троицкого собора, создание которого фиксируется летописными сводами, сооружение этого здания не отмечено аналогичными источниками. Наиболее ранние сведения о том, что трапезная с Борисоглебским храмом была возведена между 1525 и 1530 годами, содержатся в литературе XIX века. Впервые эта датировка была приведена в книге 1853 года, где не указан автор исследования [14, с. 23]. Можем предположить, что эта работа была написана В.А. Преображенским, который в 1850-е – начале 1860-х годов активно занимался историей Тверской епархии [15, с. 93–94; 16], и в частности Калязинским монастырём¹. Правда, в рукописи, относящейся, вероятно, к середине XIX века, Преображенский допускал, что трапезную церковь могли выстроить «около 1665 года»², хотя все остальные содержащиеся в ней датировки приведены в монографии 1853 года [14, с. 24–25]. В этой связи можно предположить, что при публикации в 1853 году своего исследования В.А. Преображенский скорректировал сделанный ранее вывод и ввёл в книгу иную датировку.

Работа 1853 года содержит немало примечаний, отсылающих нас к различным источникам. А именно такой подход к изучению любой темы был характерен для творчества В.А. Преображенского. Подобный метод демонстрирует в своей работе, изданной в 1867 году, и А. Лебедев, но делает это он без ссылок на труд 1853 года, порой целыми абзацами используя содержащуюся там информацию. Нередко Лебедев повторяет и сопутствующий тексту аппарат, хотя немало в его исследовании и сугубо авторских отсылок к источникам [17].

Но не всегда эти примечания соответствуют той информации, к которой они «привязаны» в тексте. Яркий пример – это как раз датировка А. Лебедевым трапезной. Подтвердив вслед за автором исследования 1853 года факт её строительства в 1525–1530

¹ Преображенский В.А. История Калязинского монастыря. Рукопись // ГАТО. Ф. 103. Оп. 1. Д. 833.

² Там же. Л. 18 об.

Рис. 6. Трапезная палата со Сретенской (Борисоглебской) церковью в Троицком Калязинском монастыре. Вид с северо-востока. Фото 1940 года (источник: ГНИМА им. А.В. Щусева. Ф. V-3832)

годы, Лебедев отсылает нас к Кормовой книге Калязинского монастыря [17, с. 23–24], но там говорится лишь, что тёплый храм «во имя страстотерпцев Христовых Бориса и Глеба с трапезою и всеми службами» был выстроен дмитровским князем Юрием Ивановичем [18, с. 20–21]. И в Кормовой книге это событие не связывается с 1525–1530 годами. Более того, создание Троицкого собора, трапезной с церковью Бориса и Глеба и надвратного храма Макария чудотворца помещены в этом источнике между вкладами 1617 и 1609 годов [18, с. 20–21, 6, прим. 2].

Выявленные противоречия дают основание предполагать, что и автору книги 1853 года, и А. Лебедеву был известен ещё какой-то документальный материал, в котором содержались те даты, которые они без ссылки на источник использовали в своей работе. Не исключено, правда, что исследователи произвольно определили хронологические рамки строительства трапезного комплекса, оправданно поместив это мероприятие между завершением строительства Троицкого собора (1523) и арестом в конце 1533 года ктитора Борисоглебской трапезной церкви дмитровского князя Юрия. В итоге в литературе утвердилась датировка, введённая в середине XIX века. И без критического рассмотрения она была принята не только теми, кто писал о калязинской обители в дореволюционное время [19, с. 29], но и в советский, и в постсоветский периоды³. Поэтому нет ничего удивительного, что наиболее полная публикация памятника также опирается на эту дату [2, с. 230], хотя справедливости ради следует заметить, что впервые в известных нам источниках каменная трапезная Калязинского монастыря упоминается лишь под 1628–1629 годами [24, с. 21]. А так как Кормовая книга, где говорится о строительстве трапезного комплекса Юрием Ивановичем Дмитровским, была составлена в 1654 году [18, с. 1], то соответственно документ 1628–1629 годов является на сегодня наиболее ранним свидетельством существования трапезной Троицкого Калязина монастыря и во многом подтверждает вероятность её сооружения в XVI столетии.

Отметим, что возможность знакомства автора книги 1853 года и А. Лебедева с недошедшим до нас источником 1525–1530 годов косвенно подтверждает их указание на тот факт, что в 1572 году по инициативе архимандрита Сергия «для увеличения света в алтаре, в стене выше жертвенника» было пробито новое окно. Но и это свидетельство оказывается сомнительным, поскольку ещё в середине XIX столетия В.А. Преображенский, ссылаясь на грамоту архиепископа Иоасафа, отмечал устройство нового окна над жертвенником не в 1572-ом, а в 1672 (7180) году⁴. Вероятно, в данном случае налицо опечатка, появившаяся при публикации рукописи (В.А. Преображенского – ? – А.С.), подготовленной к изданию в начале 1850-х годов. Получается, что А. Лебедев без перепроверки (и без ссылки на работу 1853 года) перенёс

эту дату в свою книгу. В итоге на целое столетие был ошибочно удревлён факт появления нового оконного проёма в трапезном храме, что не только «обогастило» историю здания, но и, по сути дела, добавило хотя и косвенный, но всё же серьёзный аргумент для введённой в середине XIX века в научный оборот датировки церкви Бориса и Глеба.

Отметим, правда, что такое «расширение» строительной биографии трапезной оказывается во многом аномальным, поскольку во второй половине XVI века, как правило, не стремились увеличить «светонасыщенность» интерьеров за счёт пробивки новых или растёски первоначальных оконных проёмов. Эти мероприятия стали уделом строительной практики второй половины – конца XVII столетия (и более позднего времени), что вполне согласуется с данными грамоты 1672 года, приведёнными В.А. Преображенским.

Более органично другое свидетельство авторов монастырских «Описаний...» середины – второй половины XIX века, фиксирующее растёску алтарных окон трапезного храма под 1750 годом [14, с. 24; 17, с. 64], тем более что этот факт подтверждается материалами рукописи В.А. Преображенского⁵.

И всё же, несмотря на ошибочность отдельных положений в работах 1853 и 1867 годов, а также неподкреплённость их датировки источниками, введённый исследователями хронологический отрезок (1525–1530), в рамках которого могла быть создана каменная трапезная в Калязинском монастыре, представляется вполне приемлемым для датировки разобранного накануне Великой Отечественной войны памятника.

Возвращаясь к Кашинской писцовой книге 1628–1629 годов, отметим, что интересующее нас сооружение зафиксировано здесь как «храм каменной страстотерпца Христова бориса и глеба с трапезою» и каменными погребями [24, с. 21]. С незначительными коррективами, но в целом эта постройка также обозначена и в Кормовой книге 1654 года: «храм в Колязине монастыре тёплый во имя страстотерпцев Христовых Бориса и Глеба с трапезою и со всеми службами» [16, с. 20–21]. Любопытно, что и неизвестный автор, и А. Лебедев, несмотря на определённость этих двух источников в указании количества престолов (только одного), исходили

Рис. 7. Трапезная палата со Сретенской (Борисоглебской) церковью в Троицком Калязинском монастыре. Вид с востока. Фото 1940 года (источник: ТГОМ КзМ 3136-12)

³ Литература, где содержатся сведения о строительстве калязинской трапезной, чрезвычайно многочисленна, поэтому приведу лишь некоторые из работ: [20, с. 24; 1, с. 168; 6, с. 368; 21, с. 264; 10, с. 162; 22, с. 15; 23, с. 49–50].

⁴ Преображенский В.А. История Калязинского монастыря. Рукопись // ГАТО. Ф. 103. Оп. 1. Д. 833. Л. 18 об.

⁵ Там же.

из того, что изначально трапезная церковь была выстроена с приделом («на правой стороне») во имя «св. Исаакия, Далмата и Фавста» [14, с. 23–24; 17, с. 63].

Допускаю, что в начале XVII века трапезная Макарьева монастыря могла быть обновлена после того как «в 1610 году поляки и русские изменники выжгли обитель» [14, с. 38]. Если ориентироваться на приведённое В.А. Преображенским документальное свидетельство, то первые относительно существенные изменения в облике здания стали происходить, вероятно, только в начале 1670-х годов, когда над жертвенником Борисоглебского храма пробили новый оконный проём⁶. Затем дважды, в 1750 и 1804 годы, в основном алтаре и в придельном были растёсаны первоначальные окна [14, с. 24; 17, с. 64]. Наконец, в 1830 году была реконструирована вся тёплая церковь: «окна все расширены; пол, вместо прежняго каменнаго, настлан деревянный; иконостас и иконы поставлены новыя; стены местами украшены живописью» [17, с. 64]. Перестройка древнего здания завершилась 25 ноября 1830 года его освящением, что, правда, сопровождалось изменением посвящений: «престол во имя св. Бориса и Глеба был переименован на во имя Сретения Господня; а престол во имя преп. Исаакия, Далмата и Фавста – в честь Казанской иконы Божией Матери». В свою очередь в 1841 году расположенную в первом этаже «братскую трапезу» из-за тесноты перепрофилировали под «рабочую». При этом были сохранены находящиеся здесь «издревле... просфоропекарня, две кладовыя, братская провизная и два для овощей подвала» [17, с. 64–65]. Представление о том, как в итоге стала выглядеть постройка первой трети XVI века, даёт чертёж второй половины XIX века

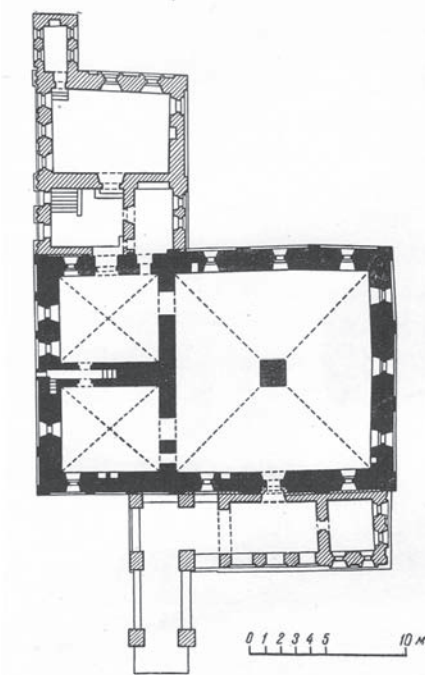

Рис. 8. Трапезная палата в Троицком Калязинском монастыре. Реконструкция плана постройки 1525–1530 годов (источник [6, с. 362])

(см. рис. 4), а также фотографии начала – первой половины XX века (см. рис. 5, 6, 7). Однако их анализ логично объединить с материалами экспедиции В.А. Каульбарса и исторической запиской И.Ф. Никольского⁷, которые нашли отражение в статьях М.П. Цапенко, А.Л. Удальцовой и А.М. Харламовой [1, с. 164–172; 2, с. 230–237].

Ко времени разрушения калязинская трапезная лишь отчасти напоминала типологически близкие сооружения начала – первой половины XVI века, поскольку утратила цельность первоначального композиционного решения. Тем не менее о её принадлежности первой трети XVI столетия говорила двухъярусная объёмно-пространственная структура памятника, состоящего из расположенных друг над другом больших одностолпных палат и примыкающего к ним с востока менее крупного двухчастного в каждом ярусе объёма. Одновременно внешний облик постройки свидетельствовал о многочисленных «обновлениях» средневекового сооружения в более позднее время, что подчёркивалось формой окон, ордерной трактовкой лопаток, штукатурным карнизом [2, с. 231].

Заметим, что соавторы по работе 1986 года (А.Л. Удальцова и А.М. Харламова) по непонятной нам причине никак не отреагировали на существование публикации М.П. Цапенко, которая появилась задолго (1952) до выхода статьи Удальцовой и Харламовой. Однако все они (и Цапенко, и Удальцова с Харламовой) без указания на источник утверждали, что пострадавшую в пожар 1610 года трапезную Калязинского монастыря реконструировали в 1633 году под руководством зодчего Аверкия Мокеева [1, с. 168, 169; 2, с. 234, 236]. Цапенко считал, что в 1633 году к трапезной «были пристроены северное крыльцо и южные переходы к надвратной церкви» [1, с. 168], а Удальцова с Харламовой уверенно полагали, что в этом году изменили облик северо-восточной части здания, устроив во втором ярусе овальную в плане апсиду и увенчав обновлённое сооружение главкой, что повлекло за собой перекладку в угловом компартименте свода и закладку внутрискрипного хода, который «поэтажно связывал восточную часть здания и выводил на верхний уровень постройки» [2, с. 234, 235]. Если эти работы действительно имели место в 1633 году, то тогда получается, что изменения в облике трапезной начали происходить не в 1672 году (как считал В.А. Преображенский), а значительно раньше.

Исследованиями 1940 года было установлено, что площадь прямоугольного в плане сооружения первой трети XVI века составляла 24,6×16,4 м (рис. 8, 9). Здание трапезной было сложено из кирпича размером (28–30)×(14–15)×(7,5–9) см. Использовался при её строительстве и белый камень. Из него были выполнены внутренние переемы окон погреба, карнизы столбов, кронштейны у пят сводов, цоколь и ступени.

⁶ Преображенский В.А. История Калязинского монастыря. Рукопись // ГАТО. Ф. 103. Оп. 1. Д. 833. Л. 18 об.

⁷ Никольский И.Ф. Калязинский Макарьевский монастырь. Исторический очерк. Рукопись (источник: ГНИМА им. А.В. Щусева).

Как было сказано выше, трапезную Калязина монастыря условно можно поделить на две основные части. Более крупную – западную, состоящую из поярусно расположенных одностолпных палат, где верхние два яруса входили в надземную часть здания, а нижний ярус являлся подвалом, и меньшую по объёму – двухэтажную восточную, где каждый из ярусов имел по два перекрытых крестовыми сводами компартиментов.

Верхняя одностолпная палата являлась собственно трапезной, расположенная под ней – поварней. Верхнее северо-восточное помещение выполняло функцию алтаря, а соседнее юго-восточное служило келарской, или хлебодарней. Ярусом ниже под алтарём находились сени, которые соседствовали с ещё одной «палаткой» (рис. 10).

Эти части сооружения отличались не только габаритами, но и способом организации фасадной плоскости. В первом случае широко расставленные лопатки членили фасады только второго яруса здания. Своим шагом они повторяли ритм распалубок свода трапезной. У малого объёма более узкие с меньшим шагом лопатки шли на всю высоту корпуса, что делало эту часть сооружения более стройной (см. рис. 9) [2, с. 233].

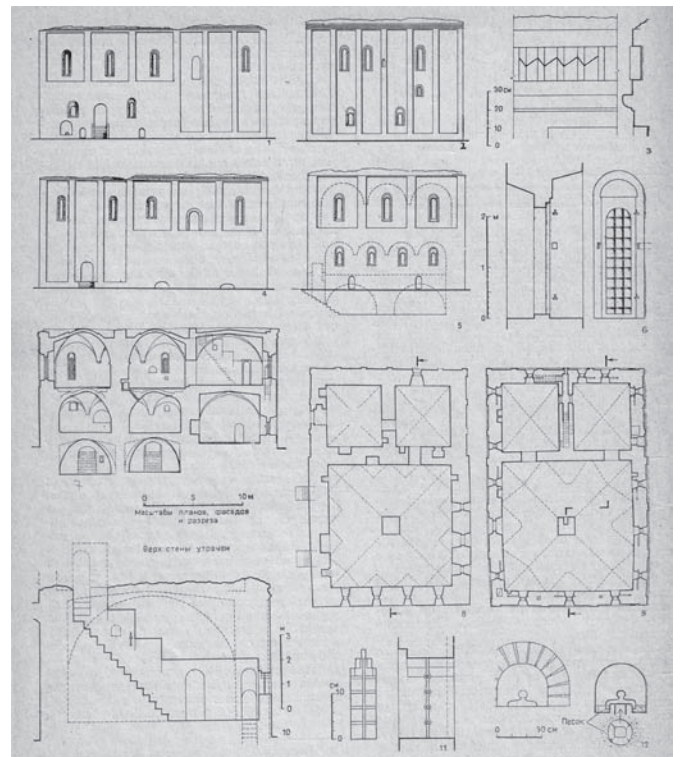
Наделённое подчёркнутым монументализмом здание оживляли оконные проёмы. Особенно окна второго яруса, достигающие в высоту 2,1 м (см. рис. 9)⁸.

В системе декора трапезной оконные проёмы в целом способствовали приданию «регулярного» характера фасадной плоскости. Исключение составлял восточный фасад, где некоторый разноряд в расстановке окон был обусловлен откровенно функциональной «привязкой» этих проёмов к освещению внутреннего пространства (см. рис. 9). К примеру, в средней лопатке пробили небольшое окошко, «которое отнюдь не было случайным», поскольку лопатка соответствовала «внутренней стене, настолько толстой, что в ней был устроен ход, освещение которого и потребовало устройства окна в пилястре» [1, с. 169].

Поскольку кладка стен выше лопаток была утрачена, то для реконструкции венчающей части основного объёма трапезного корпуса весьма существенными оказались фрагменты первоначального карнизного декора («пять рядов орнаментальной кирпичной кладки»), выявленные «на южном фасаде под кровлей пристроек и в месте примыкания северного крыльца XVII в. Ряды эти шли над узкой полосой (один ряд кирпичной кладки), соединявшей лопатки и вместе с ними как бы обрамлявшей плоскость стены. В фасадах трёхэтажной части трапезной эта полоска отвечала нижней большой плоскости. Орнаментальные ряды не имели выноса, т.е. были в одной плоскости с лопатками, выступал лишь на 4 см четвертной валик (1-й ряд, 9 см) и выше заглаблялся поребрик (3-й и 4-й ряды, 18 см). Эти ряды кирпичной кладки и особенно четвертной

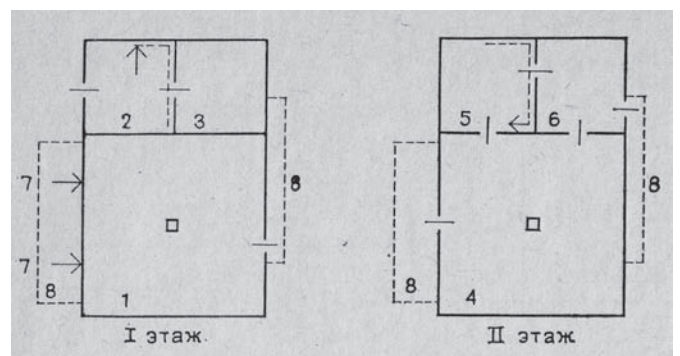
валик с полочкой внизу делают допустимой мысль о том, что они были частью карниза, как это и было принято в чертежах 1940 г.» [2, с. 234].

Обозначив возможность наличия именно такого декоративного пояса в карнизной части трапезной, А.Л. Удальцова и А.М. Харламова высказали ещё одну версию, предполагающую не только более развитый орнаментальный пояс, но и вообще иной характер завершения здания.

1 – южный фасад; 2 – восточный фасад; 3 – кирпичный орнамент верха здания; 4 – северный фасад; 5 – западный фасад; 6 – оконный проём второго этажа; 7 – продольный разрез; 8 – план первого этажа; 9 – план второго этажа; 10 – разрез по внутрискрипной лестнице; 11 – окно внутрискрипного хода; 12 – жаровая печь центра столба

Рис. 9. Материалы исследований трапезной Калязинского монастыря (источник [2, с. 232])

1 – поварня; 2 – сени; 3 – палата, в которой сохранился крестовый свод; 4 – трапезная палата; 5 – алтарь; 6 – келарская (хлебодарная); 7 – лестницы в погреба; 8 – места крылец

Рис. 10. Наименование помещений калязинской трапезной в XVI веке (по А.Л. Удальцовой и А.М. Харламовой)

⁸ «Окна XVI в. были обнаружены в северо-западном углу трапезной, в поварне – на западной стене и с южной стороны за пристройками» [2, с. 233, прим. 9].

Они обратили внимание на тот факт, что заложенный внутрискатный ход «с уступчатым сводчатым перекрытием и выложенными в кирпиче ступенями», который был обнаружен в северо-восточной части трапезной, не только «поэтажно связывал восточную часть здания», но и «выводил на верхний уровень постройки», в «надалтарное пространство», где расположенная выше кладка была утрачена. Здесь, по убеждению Удальцовой и Харламовой, должен был находиться расположенный в утраченной к тому времени над основным объёмом трапезной стене «выходной арочный проём». Эта стена, по мнению исследователей, могла являться внутренним восточным щипцом над более значительной по площади трёхъярусной частью здания. Предположить существование западного щипца позволял круглый столб диаметром 122 см, который был выведен «как продолжение опорного столба сводов одно-столпных палат под опору коньковой балки». А.Л. Удальцова и А.М. Харламова полагали, что форма этого столба, «тщательность его кладки с тёской кирпича» являлись свидетельством ценности подкровельного пространства. Этот фактор позволяет, по их мнению, реконструировать завершение западной части трапезной или как двухскатное с двумя щипцами, или даже как восьмискатное с четырьмя щипцами [2, с. 234].

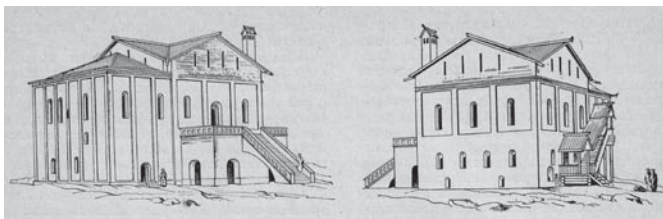

Рис. 11. Реконструкция трапезной 1525–1530 годов в Троицком Калязине монастыре (по А.Л. Удальцовой и А.М. Харламовой). Вид с северо-восточной (слева) и юго-западной (справа) сторон (источник: [2, с. 236])

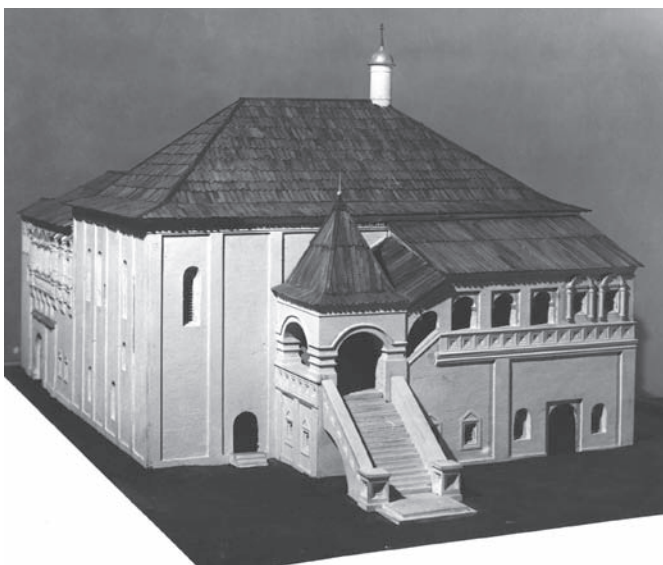

Рис. 12. Реконструкция трапезной Калязина монастыря. Выполнена в 1940 году И.И. Леонидовым и М.Н. Чалым. ГНИМА им. А.В. Щусева (источник: [34, с. 27])

На второй вариант (рис. 11), как считали Удальцова и Харламова, нас «ориентирует территориально близкий предшественник – дворец конца XV в. в Угличе. Восприятию его кирпичного и терракотового узора способствовали щипцы и отсутствие карниза, и едва ли зодчий трапезной выкладывал свой кирпичный орнамент с тем, чтобы скрыть его под свесом кровли. Предположить северный и южный щипцы логично и потому, что все входы в здание были расположены с этих сторон и сосредоточенные водосливы здесь были бы уместны» [2, с. 234–235].

Таким образом, исследовательницы скорректировали ту реконструкцию трапезной, что была выполнена сразу после её изучения (рис. 12, 13). С вальмовой кровлей, перекрывающей западную часть здания, она сначала была опубликована М.П. Цапенко [1, с. 167], а затем в «Истории русского искусства» [6, с. 363]. Напротив, в работе 1986 года был помещён вариант с восьмискатной, то есть четырёхщипцовой кровлей над западной, более крупной частью трапезной. В свою очередь односкатное покрытие над восточной частью здания, предложенное ещё в первоначальном варианте реконструкции, в 1986 году не было изменено [2, с. 236] (рис. 12).

Выполненная А.Л. Удальцовой и А.М. Харламовой реконструкция не предусматривала наличие главки над северо-восточным компартиментом трапезной, который в 1530 году мог стать храмом во имя Бориса и Глеба. Тем не менее тот факт, что в неизвестном нам источнике сообщается об освящении этой церкви, позволяет предполагать, что небольшой главкой трапезный храм всё же могли обозначить. Можно даже предположить, что северо-восточное помещение во втором ярусе трапезной изначально планировалось сделать «домовой» церковью. Данная версия подтверждается фактом создания двумя десятилетиями ранее, в 1504–1506 годы, каменной трапезной с Богоявленским храмом в Иосифо-Волоколамском монастыре [25, с. 12; 26, с. 389]. А.В. Яганов с уверенностью полагает, что это наиболее ранний пример включения церкви в состав трапезного комплекса [27, с. 260]. И хотя в этом выводе немало категоричности, не учитывающей иные по типу трапезные комплексы Северо-Западной Руси, где храм как самостоятельный объём мог появиться ещё в XV столетии,

Рис. 13. Реконструкция трапезной Калязина монастыря. Выполнена в 1940 году И.И. Леонидовым и М.Н. Чалым. ГНИМА им. А.В. Щусева (источник: [6, с. 363])

тем не менее следует отметить, что при создании трапезной Калязина монастыря действительно могли ориентироваться на аналогичное по назначению и типологически близкое сооружение в Иосифо-Волоколамском монастыре. Правда, в северо-восточном типе трапезной, относящемся к началу – первой половине XVI века, церковному компартименту в общем объёме здания отводилось довольно-таки скромное место, и поэтому резонно подобный комплекс именовать «трапезная с церковью Бориса и Глеба». Это уточнение делается по той простой причине, что А.В. Яганов и Е.И. Рузаева называют Макарьевскую трапезную «Борисоглебская церковь Калязина монастыря» [23, с. 48], что, на наш взгляд, не совсем точно отражает реальное положение вещей. Напомним, что в мае 1506 года в Волоколамском монастыре, согласно Яганову «старец Иосиф основал трапезу камени» с тёплой Богоявленской церковью» [27, с. 260], а не Богоявленскую церковь с трапезной. Любопытно, что в работе 1979 года Л.А. Белова называет волоколамский трапезный комплекс «трапезной палатой с церковью Богоявления» [25, с. 12] – так же, как он именуется в Своде памятников архитектуры Московской области [28, с. 71], а в 2008 году её статья посвящена «церкви Богоявления с трапезной палатой» [26, с. 389]. Полагаем, что смена акцентов в отношении монастырских трапезных начала – первой половины XVI века стала, вероятно, реакцией архитектуроведческой науки на восстановление досоветского статуса Церкви в конце XX столетия, что не корреспондировало с реальным положением культового сооружения в составе трапезного комплекса определённого периода.

При рассмотрении калязинской трапезной А.Л. Удальцова и А.М. Харламова допускали, что выявленная в северо-восточной части здания внутрискладная лестница вела к расположенной на стене основного объёма звоннице [2, с. 234]. В таком случае получается, что уже на раннем этапе существования обитатели в ней находились сразу две звонницы. Напомним, что, возможно, следы ещё одного аналогичного по

назначению сооружения группа В.А. Каульбарса выявила у северо-восточного угла Троицкого собора, о чём сообщил в своей статье М. Цапенко [1, с. 170]. Можно, конечно, предположить, что на трапезной звонница появилась не сразу после постройки этого корпуса, а несколькими десятилетиями позже, когда соборную звонницу сменил придельный храм.

Неотъемлемой частью трапезного корпуса были крыльца (см. рис. 11). По мнению, Удальцовой и Харламовой, первоначальные крыльца в XVII веке были заменены другими конструкциями, но «ряд признаков» позволил «наметить их след на фасадах». К примеру, о существовании более репрезентативного северного крыльца говорило «отсутствие проёмов в северной стене поварни и малые “первичные” деформации в этой части здания», а также следы распалубки над входом в восточный погреб. Всё это свидетельствовало о том, что к первому ярусу северного фасада более крупной западной части здания (там, где находилась поварня) изначально примыкало открытое крыльцо-гульбище, к центру которого вела «откидная» лестница. «Открытость» крыльца подчёркивали два окна, расположенные по сторонам от входа, ведущего в трапезную, устроенную в верхней одностолпной палате этого монастырского сооружения. А внизу, под сводами высокой паперти, находился вход в погреб.

Рядом с крыльцом, в нижнем ярусе северной стены «малого» двухчастного объёма трапезной был устроен входной проём «в сени, из которых шла лестница к келарской и в алтарь» [2, с. 235].

Южное крыльцо в отличие от северного было деревянным. По мнению А.Л. Удальцовой и А.М. Харламовой, оно «несло хозяйственные функции, его лестница вела от двери поварни вверх к обнаруженной за пристройками XVII века двери келарской» [2, с. 235].

При исследовании интерьеров трапезной выяснилось, что её поэтажно расположенные одностолпные палаты имеют ряд существенных отличий. К примеру, «в верхней трапезной па-

Рис. 14. Трапезная палата Калязина монастыря. Интерьер первого яруса. Фото 1940 года (источник: ГНИМА им. А.В. Щусева. Ф. V-7800)

Рис. 15. Трапезная палата Калязина монастыря. Интерьер первого яруса. Фото 1940 года (источник: ГНИМА им. А.В. Щусева. Ф. V-7790)

лате (13,3×13,3 м, при высоте 5,9 м) своды имели с каждой стороны по три распалубки, в более низкой поварне (12,5×12,5 м, при высоте 4,25 м) – четыре (рис. 14, 15), в нижнем этаже (вероятно, в восточной двухкамерной части. – А.С.), если условно отбросить перегораживающую помещение на два погреба стену, – две распалубки (угловые крестовые своды с пятами почти на уровне пола). При обмере палат обнаружилось, что пяты сводов на столбе ниже, чем соответствующие пяты на стенах, а нивелировка в цокольных частях здания не показала разности в осадке стен и столба. Очевидно, что разный уровень пят сводов был сделан преднамеренно и связан с желанием иметь посводное пространство открытым – без воздушных связей. Для погашения горизонтального распора сводов зодчий сделал образующую свода подвышенной, приближающейся к наивыгоднейшей параболической форме с шельгой, несколько сдвинутой в сторону столба; он укладывает металлические связи на уровне пола и внутрстенные деревянные связи по периметру каждой палаты в её верхней зоне; создаёт массив стен, способный противостоять распору сводов» [2, с. 233].

«И всё же в процессе строительства, – замечают далее А.Л. Удальцова и А.М. Харламова, – благодаря пластичности медленно твердеющего известкового раствора, при отжиме сводами стен, они значительно деформировались ("первичная" деформация). В трапезной палате западная стена отошла от вертикали на уровне пят на 28 см, южная получила выпучину в плановом сечении на 21 см, с востока же, где прилегали помещения с крестовыми сводами, деформация отсутствовала» [2, с. 233].

Как показали исследования, «здание трапезной было тщательно продумано и в отношении бытовых устройств. Толщина стен позволяла устраивать в них каналы и ниши. На южном фасаде было раскрыто отверстие арочного в сечении внутрстенного наклонного люка, выходявшего в западный погреб и служившего, очевидно, для спуска овощей. В этом же погребе на противоположной стене из ниши поднимался канал к нише поварни. Из поварни еда подавалась... через вертикальные люки в толще стен» [2, с. 233]. В результате на примере калязинской трапезной удалось изучить отопление здания, которое В.А. Каульбарсом было названо «жаровым»: «в поварне от очагов шли два борова к двум стенным большого сечения дымовым каналам (45×60 и 67×75 см), которые могли отключаться от боронов, когда кончалась топка. Из боронов же брали начало вертикальные жаровые каналы, ведшие в верхнее помещение – к печурам, снабжённым вьюшками, опускавшимися в песок. В трапезной палате в нижней зоне стен были обнаружены четыре печуры и одна – в центральном столбе, где сохранилось и круглое горло вьюшки (см. рис. 9 № 12). Эта система обеспечивала тепло для приготовления пищи и обогрева верхних помещений. В отличие от "воздушного" отопления XVIII века здесь ещё не было подачи в помещение наружного нагретого воздуха, и вентиляция проходила через окна» [2, с. 234].

История изучения калязинской трапезной охватывает значительный период, и уже на раннем этапе суровая простота её архитектуры, а главное – объёмно-пространственная структура здания, определили типологический контекст этого сооружения. Допуская его генетическую взаимосвязь с деревянным зодчеством, с постройками, где к торцу большого зала пристроены небольшие помещения [6, с. 369], исследователи тем не менее предпочитали рассматривать этот памятник в кругу каменных типологически близких сооружений.

Начало этому процессу положил, пожалуй, Н.Н. Воронин, который соотнёс калязинскую трапезную с аналогичной постройкой в Борисоглебском монастыре под Ростовом, достаточно категорично решив, что «оригинальная ассиметричная композиция» ростовского памятника «находит себе единственную точную аналогию в трапезной Троицкого Калязина монастыря» [20, с. 24]. Позже, после исследований группы В.А. Каульбарса, число сооружений, подобных калязинскому памятнику, было расширено [1, с. 168; 6, с. 368–370; 9, с. 190–191], а А.Л. Удальцова с А.М. Харламовой пришли к справедливому выводу о близости монастырских трапезных трапезным палатам «государственного назначения» – Владычной палате 1430-х годов в Новгороде и Грановитой палате конца XV века в Московском кремле. Полагая, что и те, и другие постройки возникли одновременно, они тем не менее были уверены, что «Грановитая палата вдохновляла зодчих монастырских трапезных в решении их относительно скромной задачи» [2, с. 235]. Правда, тридцатью годами ранее другие исследователи не менее уверенно высказались в пользу того, что именно трапезная Троице-Сергиева монастыря, выстроенная в 1469 году В.Д. Ермолиным, оказала «несомненное влияние на постройку в 1491 году Грановитой палаты» [6, с. 368].

Типологическая близость каменных монастырских трапезных и палат «государственного назначения» (к последним можно добавить угличскую и старицкую палаты последней четверти XV – первой трети XVI века) действительно налицо, особенно это касается крупных одностолпных помещений, поскольку «малый» объём «государственных» палат порой имеет несколько иную организацию. Но отдавать приоритет тому или другому виду палат мы не решаемся, поскольку их первоисточник следует, повидимому, искать в сооружениях, появившихся несколькими столетиями ранее. И это могут быть как светские постройки, так и монастырские.

Сравнивая калязинскую трапезную и ростовскую, Н.Н. Воронин впервые предположил, что зодчим трапезной в Троицком Калязине монастыре мог быть Григорий Борисов, который в тот же период (1524–1526) выстроил трапезную в Борисоглебском монастыре под Ростовом [20, с. 24]. В итоге то, что рассматривалось Ворониным как гипотеза, позже приобрело характер аксиомы [1, с. 168; 6, с. 368; 21, с. 264; 10, с. 162], и подчас с Борисовым стали соотносить и соборный храм Макарьева Калязинского монастыря [21, с. 264]. Воронинская версия стала определяющей и для А.Л. Удальцовой с А.М. Харламовой [2, с. 230]. Однако в 2003 году А.В. Яганов и Е.И. Рузаева усом-

нились в том, что Григорий Борисов принимал участие в строительных мероприятиях на территории кашинско-калязинских земель Юрия Дмитровского, поскольку «документально подтверждённая деятельность» мастера связана только со строительством в Борисоглебском монастыре близ Ростова и в переяславском Даниловом монастыре [23, с. 112]⁹. Это мнение кажется нам справедливым по ряду причин. Первая – это, конечно же, отсутствие источников, подтверждающих авторство Борисова в отношении калязинской трапезной, вторая – принадлежность земель, где строились эти трапезные, разным князьям. Отметим, что Н.Н. Воронин неверно указал заказчика трапезной в Троицком Макарьеве монастыре. Он считал, что им был Василий III [20, с. 24], в то время как существующие документы ктиторов калязинской трапезной называют его брата Юрия. В свою очередь Ростов и соответственно расположенный недалеко от него Борисоглебский монастырь в первой трети XVI века как раз входили в число владений великого князя [30, с. 63–64]. В 1520-е годы отношения между братьями оставляли желать лучшего, и поэтому можно предположить, что Юрий Дмитровский не использовал при реализации своих строительных инициатив ростовских зодчих.

Третьей причиной, позволяющей поставить под сомнение участие Борисова в создании калязинской трапезной, является отсутствие «буквальной близости» между ростовским и тверским памятниками, на чём так настаивал Н.Н. Воронин [20, с. 24]. Об этом в первую очередь свидетельствуют результаты исследований этих построек, которые были проведены уже после выхода в свет труда Воронина. Да и последующие работы по изучению других монастырских трапезных начала – первой половины XVI века дают основание значительно расширить круг сооружений типологически близких трапезной в Калязине монастыре.

Наконец, то, что Воронин рассматривал как аргумент в пользу Григория Борисова, можно считать противоречащим высказанной версии. Ведь сооружение одной трапезной, по сути дела, по времени «накладывается» на строительство другой: в 1524–1526 годы строят трапезную в Борисоглебском монастыре и в эти же годы могли вести строительство трапезной в калязинской обители. Ведь время создания калязинской трапезной – 1525–1530 годы – могло быть «сфабриковано» В.А. Преображенским¹⁰, поэтому исключать начало её строительства сразу после завершения Троицкого собора, то есть в 1524 году, мы не можем. Таким образом, высказанные соображения позволяют предположить, что строительство в 1520-е годы каменных зданий в Троицком Калязине монастыре могло быть осуществлено мастерами, не связанными своим происхождением с Ростовским княжеством.

Любопытно, что пытаясь активно привлечь Григория Борисова к созданию тех построек, которые не значатся в

послужном списке этого зодчего, исследователи упустили из виду ещё одного «трапезного мастера» Олфромоя, который умер в один год (1545) с Борисовым и о котором нас также информирует в работе 1934 года Н.Н. Воронин [20, с. 24].

Региональная принадлежность Олфромоя неизвестна. Допускаю, что он мог быть членом той же строительной организации, что и Григорий Борисов, но не исключён и другой вариант. К примеру, он мог входить в число тверских зодчих, которые, как известно, в XVI столетии неоднократно работали за пределами Тверского княжества, тем более что Калязин входил в состав тверских земель. И как в этой связи не вспомнить тверского мастера Повилику, который в 1541 году выстроил в волоколамском Возмищенском монастыре каменную трапезную с Кирилловской церковью [31, с. 14; 32, с. 248–249]. Думаю, что эта фигура является даже более подходящей, чем Григорий Борисов и Олфромей для решения вопроса об авторе калязинской трапезной.

Отчасти версия об участии тверской артели в создании калязинских построек находит подтверждение в другом памятнике, возведённом по инициативе Юрия Дмитровского – Богоявленской церкви «иже под колоколы» в Николо-Песношском монастыре [27, с. 269]. Важно, что ближайшим аналогом этому сооружению является «Хутынский столп» под Новгородом, который в 1535–1536 годы был возведён под руководством тверского мастера Ермолы [33, с. 302]. В итоге можно предположить, что именно трудами тверских зодчих в 1520-е годы были созданы основные постройки Троицкого Калязина Макарьева монастыря.

Принятые сокращения

ГАТО – Государственный архив Тверской области
ГНИМА им. А.В. Щусева – Государственный научно-исследовательский музей архитектуры им. А.В. Щусева.

Список источников

1. *Цапенко, М.* Архитектура и фрески б. Макарьевского монастыря в Калязине / М. Цапенко. – Текст : непосредственный // Архитектурное наследство. – 1952. – Вып. 2. – С. 164–172.
2. *Удальцова, А.Л.* Трапезная Макарьевского монастыря в Калязине / А.Л. Удальцова, А.М. Харламова. – Текст : непосредственный // Архитектурное наследство. – 1986. – Вып. 34. – 272 с. – Москва : Стройиздат, 1986. – С. 230–237.
3. *Гейдор, Т.И.* Судьба росписей Троицкого собора Троице-Макарьева монастыря города Калязина / Т.И. Гейдар. – Текст : непосредственный // Христианское зодчество. Новые материалы и исследования / Отв. ред. И.А. Бондаренко. – Москва : УРСС, 2004 – 878 с. – С. 790–806.
4. Калязинские храмы и монастыри : Справочное издание. – Тверь, СФК-офис, 2020. – 392 с. – Текст : непосредственный.
5. Чиняков, А.Г. Архитектура Московского государства (конец XV в. – XVII в.) / А.Г. Чиняков – Текст : непосредственный // История русской архитектуры : Краткий курс. – Москва : Строительство и архитектура, 1951. – 460 с. – С. 51–140.

⁹ Ещё в диссертации 1969 года возможное участие Григория Борисова в создании калязинских памятников поставил под сомнение С.С. Подъяпольский [29, с. 166–169].

¹⁰ Об этом см. выше.

6. *Ильин, М.А.* Каменное зодчество эпохи расцвета Москвы / М.А. Ильин, П.Н. Максимов, В.В. Косточкин. – Текст : непосредственный // История русского искусства : В 13-ти томах : Том 3. – Москва : Издательство Академии наук СССР, 1955. – 748 с. – С. 282–481.
7. *Чиняков, А.Г.* Архитектура эпохи централизованного Русского государства (со второй половины XV до конца XVII в.) / А.Г. Чиняков. – Текст : непосредственный // История русской архитектуры. – Москва, Государственное издательство литературы по строительству и архитектуре, 1956. – 614 с. – С. 110–281.
8. *Пилявский, В.И.* История русской архитектуры / В.И. Пилявский, А.А. Тиц, Ю.С. Ушаков. – Ленинград : Стройиздат, 1984. – 512 с. – Текст : непосредственный.
9. История русской архитектуры / В.И. Пилявский, Т.А. Славина, А.А. Тиц [и др.]. – Санкт-Петербург : Стройиздат, 1994. – 600 с. – Текст : непосредственный.
10. *Анциферова, Г.М.* Калязин / Г.М. Анциферова. – Текст : непосредственный // Города Тверской области. Вып. 1. – Санкт-Петербург : Дмитрий Буланин, 2000. – 355 с. – С. 161–173.
11. *Белюстин, И.* Записки о городе Калязине / И. Белюстин. – Текст : непосредственный // Архив исторических и практических сведений, относящихся до России : В 6 книгах : Книга II. Раздел III. – Санкт-Петербург : Типография 2-го Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1861. – 367 с. – С. 1–94.
12. Полное собрание русских летописей : Том 8. – Санкт-Петербург : Археографическая комиссия, 1859. – 317 с. – Текст : непосредственный.
13. Полное собрание русских летописей : Том 22. Ч. 1. – Санкт-Петербург : Типография М.А. Александрова, 1911. – 568 с. – Текст : непосредственный.
14. Описание Троицкого Колязина монастыря. – Тверь : в типографии Губернского правления, 1853. – 67 + 19 с. – Текст : непосредственный.
15. Старица и Старицкий район : Энциклопедический справочник / Сост. В.Н. Соколова. – Тверь : Тверское областное книжно-журнальное издательство, 2001. – 152 с. – Текст : непосредственный.
16. *Иванов, П.* Благодарность Преображенскому / П. Иванов. – Текст : непосредственный // Газета «Тверские ведомости». – 2014. – № 7.
17. *Лебедев, А.* Описание Троицкого Колязина мужского первоклассного монастыря Тверской епархии / А. Лебедев. – Текст : непосредственный. – Ярославль : в типографии Г. Фальк, 1867. – 81 с.
18. *Иванов, И.А.* «Кормовая книга» Колязина монастыря / И.А. Иванов. – Тверь : Типография Губернского правления, 1892. – 28 с. – Текст : непосредственный.
19. *Крылов, П.* Троицкий Колязин первоклассный мужской монастырь / П. Крылов. – Калязин : Типография Н.И. Семиустова, 1897 (переиздание 2000 г. – Русская провинция). – 56 с. – Текст : непосредственный.
20. *Воронин, Н.Н.* Очерки по истории русского зодчества XVI–XVII вв. / Н.Н. Воронин. – Москва ; Ленинград : ОГИЗ, 1934. – 131 с. – Текст : непосредственный.
21. *Гуляницкий, Н.Ф.* Города и посады с крупными центрами культового назначения / Н.Ф. Гуляницкий, О.В. Гришинчук. – Текст : непосредственный // Градостроительство Московского государства XVI – XVII веков / Под общ. ред. Н.Ф. Гуляницкого. – Москва : Стройиздат, 1994. – 319 с. – С. 249–280.
22. Калязинские храмы и монастыри : Краткий исторический очерк / А.Г. Кубарев. – Москва : А.Г. Кубарев, 2001. – 48 с. – Текст : непосредственный.
23. *Яганов, А.В.* Успенский собор в Дмитрове / А.В. Яганов, Е.И. Рузаева. – Москва : Северный паломник, 2003. – 304 с. – Текст : непосредственный.
24. *Крылов, Л.* Материалы для истории церквей и монастырей г. Калязина и сел Калязинского уезда / Л. Крылов. – Калязин : Калязинская комиссия тверского епархиального Историко-археологического комитета, 1908. – 89 с. – Текст : непосредственный.
25. *Белова, Л.А.* Трапезная палата и церковь Богоявления Иосифо-Волоколамского монастыря / Л.А. Белова, Э.В. Суханова. – Текст : непосредственный // Материалы творческого отчёта треста «Мособлстройреставрация». – Москва : типография МГПИ им. В.И. Ленина, 1979. – 96 с. – С. 12–15.
26. *Белова, Л.А.* Трапезная церковь Богоявления / Л.А. Белова. – Текст : непосредственный // Преподобный Иосиф Волоцкий и его обитель. – Москва : Северный паломник, 2008. – 496 с. – С. 389–393.
27. *Яганов, А.В.* Николо-Песношский монастырь в XVI веке / А.В. Яганов. – Текст : непосредственный // Московская Русь. Проблемы археологии и истории архитектуры. – Москва : ИА РАН, 2008. – 576 с. – С. 255–270.
28. *Подъяпольская, Е.Н.* Памятники архитектуры Московской области : Вып. 1. – Москва : Искусство, 1998. – 288 с. – Текст : непосредственный.
29. *Подъяпольский, С.С.* Григорий Борисов. К вопросу авторской атрибуции / С.С. Подъяпольский. – Текст : непосредственный // Подъяпольский С.С. Историко-архитектурные исследования : Статьи и материалы. – Москва : ИНДРИК, 2006. – 320 с. – С. 163–176.
30. *Зимин, А.А.* Россия на пороге нового времени : Очерки политической истории России первой трети XVI века / А.А. Зимин. – Москва : Мысль, 1972. – 454 с. – Текст : непосредственный.
31. *Юргенсон, П.Б.* Церковь Рождества Богородицы на Возмище в Волоколамске / П.Б. Юргенсон – Текст : непосредственный // Материалы по истории русского искусства. Вып. 1. – Москва : 1-й Московский государственный университет, 1928. – 20 с. – С. 14–18.
32. *Гиршберг, В.Б.* Надпись мастера Повилики / В.Б. Гиршберг. – Текст : непосредственный // Советская археология. – 1959. – № 2. – С. 248–249.
33. *Воронин, Н.Н.* Хутынский столп 1535 г. (к проблеме шатровой архитектуры) / Н.Н. Воронин. – Текст : непосредственный.

ственный // Советская археология. – 1946. – Т. VIII. – С. 300–305.

34. Свод памятников архитектуры и монументального искусства России: Тверская область. Ч. 1 / Отв. ред. Г.К. Смирнов. – Москва : Academia, 2002. – 816 с. – Текст : непосредственный.

References

1. Tsapenko M. Arkhitektura i freski Makar'evskogo monastyria v Kaliazine [Architecture and frescoes of the St. Makarievsky Monastery in Kalyazin]. In: *Arkhitekturnoe nasledstvo* [Architectural Heritage], 1952, Iss. 2, pp. 164–172. (In Russ.).

2. Udaltsova A.L., Kharlamova A.M. Trapeznaia Makar'evskogo monastyria v Kaliazine [The Refectory of the Makaryevsky Monastery in Kalyazin]. In: *Arkhitekturnoe nasledstvo* [Architectural Heritage], 1986, Iss. 34, pp. 230–237. (In Russ.).

3. Geidor T.I. Sud'ba rospisei Troitskogo sobora Troitse-Makar'eva monastyria goroda Kaliazina [The Fate of the Paintings of the Trinity Cathedral of the Trinity-Makariev Monastery in Kalyazin]. In: *Khristianskoe zodchestvo* [Christian Architecture], New materials and research. Moscow, URSS publ., 2004, 878 p., pp. 790–806. (In Russ.).

4. Kaliazinskie khramy i monastyri [Kalyazin Temples and Monasteries], Reference edition. Tver', SFK-ofis Publ., 2020, 392 p. (In Russ.).

5. Chiniakov A.G. Arkhitektura Moskovskogo gosudarstva (konets XV v. – XVII v.) [Architecture of the Moscow State (Late 15th Century – 17th century)]. In: *Istoriia russkoi arkhitektury* [The History of Russian Architecture], A short course. Moscow, Stroitel'stvo i arkhitektura [Construction and architecture] Publ., 1951. 460 p., pp. 51–140. (In Russ.).

6. Il'in M.A., Maksimov P.N., Kostochkin V.V. Kamennoe zodchestvo epokhi rastsveta Moskvy [Stone Architecture of the Heyday of Moscow]. In: *Istoriia russkogo iskusstva* [The History of Russian Art], Vol. 3. Moscow, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR [Publishing House of the USSR Academy of Sciences], 1955, 748 p., pp. 282–481. (In Russ.).

7. Chiniakov A.G. Arkhitektura epokhi tsentralizovannogo Russkogo gosudarstva (so vtoroi poloviny XV do kontsa XVII v.) [Architecture of the Era of the Centralized Russian State (from the Second Half of the 15 to the End of the 17th Century)]. In: *Istoriia russkoi arkhitektury* [The History of Russian Architecture]. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvoliteratury po stroitel'stvu i arkhitekture [State Publishing House of Literature on Construction and Architecture], 1956, 614 p., pp. 110–281. (In Russ.).

8. Piliavskii V.I., Tits, A.A., Ushakov, Iu.S. Istoriia russkoi arkhitektury [The History of Russian Architecture]. Leningrad, Stroiiizdat publ., 1984, 512 p. (In Russ.).

9. Piliavskii V.I., Slavina T.A., Tits A.A., Ushakov Iu.S., Zaushkevich G.V., Savel'ev Iu.R. Istoriia russkoi arkhitektury [The History of Russian Architecture]. Saint-Petersburg, Stroiiizdat publ., 1994, 600 p. (In Russ.).

10. Antsiferova G.M. Kaliazin [Kalyazin]. In: *Goroda Tverskoi oblasti* [Cities of the Tver Region]. Iss. 1. Saint-Petersburg, Dmitrii Bulanin publ., 2000. 355 p., pp. 161–173. (In Russ.).

11. Beliustin I. Zapiski o gorode Kaliazine [Notes about the City of Kalyazin]. In: *Arkhiv istoricheskikh i prakticheskikh svedenii, otnosiashchikhsia do Rossii* [Archive of Historical and Practical Information Related to Russia], in 6 books, . Book 2, Part 3. St-Petersburg, Tipografiya 2-go Otdeleniya Sobstvennoi Ego Imperatorskogo Velichestva Kantselyarii [Printing House of the 2nd Section of the Imperial Majesty's Own Home Chancellery], 1861, 367 p., pp. 1–94. (In Russ.).

12. Polnoe sobranie russkikh letopisei [The Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. 8. Saint Petersburg, Arkheograficheskaiia komissiiia [Archeographic Commission] publ., 1859, 317 p. (In Russ.).

13. Polnoe sobranie russkikh letopisei [The Complete Collection of Russian Chronicles], Vol. 22, Part. 1. Saint-Petersburg, Tipografiya M.A. Aleksandrova [M.A. Alexandrov's printing house], 1911, 568 p. (In Russ.).

14. Opisanie Troitskago Koliazina monastyria [Description of the Trinity Kolyazin Monastery]. Tver', Printing house of the Provincial Government, 1853. 67 + 19 p. (In Russ.).

15. Staritsa i Staritskii raion [Staritsa and the Staritsky District], An Encyclopedic Reference Book. Tver', Tverskoe oblastnoe knizhno-zhurnal'noe izdatel'stvo [Tver Regional Book and Magazine Publishing House], 2001, 152 p. (In Russ.).

16. Ivanov P. Blagodarnost' Preobrazhenskomu [Thanks to Preobrazhensky]. In: *Newspaper "Tverskie vedomosti"*, 2014, no 7. (In Russ.).

17. Lebedev A. Opisanie Troitskago Koliazina muzheskago pervoklassnago monastyria Tverskoi eparkhii [Description of Trinity Kolyazin, a First-Class Male Monastery in the Tver Diocese]. Iaroslavl', Tipografiia G. Fal'k, 1867, 81 p. (In Russ.).

18. Ivanov I.A. «Kormovaia kniga» Koliazina monastyria ["The Feed Book" of the Kolyazin Monastery]. Tver', Tipografiia Gubernskogo pravleniia [Printing house of the Provincial Government], 1892, 28 p. (In Russ.).

19. Krylov P. Troitskii Koliazin pervoklassnyi muzhskoi monastyr' [Troitskiy Kalyazin is a First-Class Men's Monastery]. Kaliazin, Tipografiia N.I. Semiustova [Printing house of N.I. Semiustov], 1897, 56 p. (In Russ.).

20. Voronin N.N. Ocherki po istorii russkogo zodchestva XVI–XVII vv [Essays on the History of Russian Architecture of the 16–17th centuries]. Moscow; Leningrad OGIZ publ., 1934, 131 p. (In Russ.).

21. Gulianitskii N.F., Grishinchuk O.V. Goroda i posady s krupnymi tsentrami kul'tovogo naznacheniia [Towns and Villages with Large Centers of Worship]. In: *Gradostroitel'stvo Moskovskogo gosudarstva XVI – XVII vekov* [Urban Planning of the Moscow State of the 16–17th Centuries]. Moscow, Stroiiizdat publ., 1994, 319 p., pp. 249–280. (In Russ.).

22. Kubarev A.G. Kaliazinskie khramy [Kalyazin Temples], A brief historical sketch. Moscow, Izdatel' A.G. Kubarev [A.G. Kubarev Publ.], 2001, 48 p. (In Russ.).

23. Iaganov A.V., Ruzaeva, E.I. Uspenskiy sobor v Dmitrove [Assumption Cathedral in Dmitrov]. Moscow, Severnyi Palomnik publ., 2003, 304 p. (In Russ.)
24. Krylov L. Materialy dlia istorii tserkvei i monastyrei g. Kaliazina i sel Kaliazinskago uezda [Materials for the History of Churches and Monasteries in Kalyazin and Villages of Kalyazinsky District]. Kaliazin, Kaliazinskaya komissiya tverskogo eparkhial'nogo Istoriko-arkheologicheskogo komiteta [Kalyazin Commission of Tver Diocesan Historical and Archaeological Committee] Publ., 1908,89 p. (In Russ.)
25. Belova L.A., Sukhanova E.V. Trapeznaia palata i tserkov' Bogoiavlennii Iosifo-Volokolamskogo monastyria [Refectory Chamber and Church of the Epiphany of the Joseph-Volokolamsk Monastery]. In: *Materialy tvorcheskogo otcheta tresta «Mosoblstroyrestavratsiia»* [Materials of the creative report of the "Mosoblstroyrestoration" trust]. Moscow, tipografiia MGPI im. V.I. Lenina, 1979, 96 p., pp. 12–15. (In Russ.)
26. Belova L.A. Trapeznaia tserkov' Bogoiavlennii [Refectory Church of the Epiphany]. In: *Prepodobnyi Iosif Volotskii [St. Joseph of Volotsky]*. Moscow, Severnyi Palomnik publ., 2008, 496 p., pp. 389–393. (In Russ.)
27. Iaganov A.V. Nikolo-Peshnoshskii monastyr' v XVI veke [Nikolo-Peshnosh Monastery in the 16th Century]. In: *Moskovskaia Rus'. Problemy arkheologii i istorii arkhitektury* [Moscow Rus. Problems of Archeology and Architectural History]. Moscow, IA RAN, 2008, 576 p., pp. 255–270. (In Russ.)
28. Pod"iapol'skaia E.N. Pamiatniki arkhitektury Moskovskoi oblasti [Architectural Monuments of the Moscow Region]. Iss. 1. Moscow, Iskusstvo publ., 1998, 288 p. (In Russ.)
29. Pod"iapol'skii S.S. Grigorii Borisov. K voprosu avtorskoi atributsii [Grigory Borisov. On the Issue of Author Attribution]. In S.S. Pod"iapol'skii: *Istoriko-arkhitekturnye issledovaniia* [Historical and architectural research], Articles and materials. Moscow, INDRIK Publ., 2006, 320 p. pp. 163-176. (In Russ.)
30. Zimin A.A. Rossiia na poroge novogo vremeni (Ocherki politicheskoi istorii Rossii pervoi treti XVI veka) [Russia on the Threshold of Modern Times (Essays on the Political History of Russia in the First Third of the 16th Century)]. Moscow, Mysl' Publ, 1972,454 p. (In Russ.)
31. Iurgenson P.B. Tserkov' Rozhdestva Bogoroditsy na Vozmishche v Volokolamske [Church of the Nativity of the Virgin on the Cemetery in Volokolamsk]. In: *Materialy po istorii russkogo iskusstva* [Materials on the History of Russian Art]. Iss. 1. Moscow, 1-i Moskovskii gosudarstvennyi universitet [1st Moscow State University], 1928, 20 p., pp. 14–18. (In Russ.)
32. Girshberg V.B. Nadpis' мастера Poviliki [The Inscription of the Povilika Master]. In: *Sovetskaia arkheologiya* [Soviet Archeology], 1959, no. 2, pp. 248–249. (In Russ.)
33. Voronin N.N. Khutynskii stolp 1535 g. (k probleme shatrovoi arkhitektury) [The Hutyn Stolp of 1535 (On the Problem of Tent Architecture)]. In: *Sovetskaya arkheologiya* [Soviet Archeology], 1946, Vol. VIII, pp. 300–305. (In Russ.)
34. Svod pamiatnikov arkhitektury i monumental'nogo iskusstva Rossii: Tverskaia oblast'. Ch. 1 [The Code of Monuments of Architecture and Monumental Art of Russia: Tver Region], Part 1. Moscow, Academia Publ., 2002, 816 p. (In Russ.)